

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

М. Е. Попов

Надэтническая идентичность: опыт
формирования гражданского
общества и российская
полиэтническая специфика

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Popov_nadet.pdf

Перепечатка с сайта НИУ-ВШЭ
<http://www.hse.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

М. Е. Попов

Надэтническая идентичность: опыт формирования гражданского общества и российская полиэтническая специфика

В посткоммунистической России кризис надэтнической идентичности, деградация гражданского самосознания, элиминация политической свободы, слияние этнического и религиозного факторов в идеологических реалиях демократического транзита стали важнейшими параметрами политического дискурса, вызвавшими семантическую реставрацию политической советскости на фоне мобилизации этнорасизма. С исчезновением в 1990-е годы советской гражданской корпоративности и холокультурной коммунистической идентичности происходит тотальное вторжение политизированной этничности и религиозного фундаментализма в дискретный посткоммунистический мир.

Конфликт идентичностей в полиэтничной России вызывает регрессию общественного сознания в направлении к архаичным и радикальным ценностям, поскольку чувство социальной дезориентации, характерное для негативной идентичности, увеличивает шансы на успех авторитарных идеологий (изоляционистские проекты евразийского имперского сверхсталинизма, государственно-православного фундаментализма и религиозно-политического радикального исламизма). Выживание России как демократического государства в XXI веке зависит от того, осознано примет и подтвердит ли российский гражданин надэтническую идентичность в качестве конструктивной модели политической самоорганизации полиэтничного общества.

Важность формирования надэтнической идентичности как реальной основы устойчивого развития гражданского общества в современной

России вытекает из следующих предпосылок. Во-первых, поведение человека, его действия во многом зависят от социальной и гражданской позиции, причём значимым оказывается не только объективное положение человека в общественной структуре, но и способность самоопределения в социуме, то есть формирование социальной идентичности, а также уровень гражданского самосознания, обусловленный активным деятельным участием граждан в решении социально-политических проблем. Во-вторых, в период структурных перемен в обществе происходят амбивалентные процессы смены и стигматизации социокультурных идентичностей, формирования новых, восстановления «разрушенных».

Десимволизация социокультурной целостности личности и общества – это потеря чувства солидарности, общей цели и ценностей, в результате чего в социуме начинается активная деформация консолидирующих структур гражданской идентичности. Процессы ценностной *деструкции и радикализации коллективной идентичности* указывают на кризис условий продуктивной трансляции социокультурного и экзистенциального опыта, вызывая к жизни «деформированного человека», потерявшего ценности, жизненные ориентиры, стандарты поведения, «базисную систему безопасности». «“Размывание” привычных способов деятельности, вызванное повышенным уровнем тревожности, не контролируемым базисной системой безопасности, – отмечает Э. Гидденс, – представляется нам характерной чертой критических ситуаций. В повседневной социальной жизни акторы мотивированы на поддержание тактичных форм поведения»¹.

Радикальные этнополитические и этнорелигиозные гиперидентичности являются «социально предопределенными», максимально интолерантными к «инаковости» и тоталитарными по своему содержанию. Человек, обладающий конформистской идентичностью, структурированной механизмами тотального управления социальным поведением, является индивидом с жестко заданной социально значимой интеракцией, унифицированным и подчиненным индивидом, не дифференцирующим глубинные личностные структуры. Процесс личностной идентификации всецело замещается в этнополитизированном самосознании идеологически значимыми статусными позициями «человека с истинной идентичностью» и

¹ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. – М.: Академический Проект, 2003. – С. 116.

унифицированными социальными ролями и, в конечном итоге, растворяется в «суперпрофилированных» этнорелигиозных и этнополитических идентичностях.

Сегодня в посткоммунистических полиэтничных обществах в условиях усиливающегося изоляционизма и деградации свобод коллективная идентичность приобретает форму холистской суперструктуры политической жизни; в этой связи каждый отдельный носитель такой идентичности обладает принудительным сознанием конформистской идеологии. Мобилизованные гиперидентичности в XXI веке оказываются в высокой степени «профилированными» и тотально выражают инверсионное реваншистское мышление.

Ренессанс советской идентичности внес в социокультурную парадигму современной России глубинный ценностный конфликт между отрицанием авторитета гражданских норм и демократических институтов и стремлением к этнополитической идентификации с гомогенной этнической архаикой. Попытки расширения сферы гражданского регулирования на общенациональном уровне не затронули этнокультуры. Стремление распространить гражданское регулирование на сферу политизированной этнокультуры воспринимается как угроза потери этнической и этнорелигиозной идентичности и этнокультурных начал в пользу российской гражданской идентичности. «Нерусские россияне, – утверждает В.С. Малахов, – не узнают себя в символах новой российской государственности. В неясном облике создаваемой на глазах официальной идеологии не просматривается очертаний культурного плюрализма. Знаковое оформление новой России свидетельствует скорее о конструировании официальной монокультуры, чем о продумывании эффективной модели мультикультурализма»².

С исчезновением советской идентичности произошло понижение уровня процессов структурирования надэтнической идентификации – они снизились до уровня изолированного этнически гомогенного сообщества. Действовавшие на постсоветском пространстве многочисленные этнические движения сосредоточили свои усилия на этнополитической сфере. Обретшие суверенитет этнополитические образования оказались в ситуации острого легитимационного дефицита; его преодоление стали искать в интенсивном конструировании конфликтных идентичностей.

Сегодня надэтнической идентичности российских граждан свойственен амбивалентный характер: россияне поддерживают

² Малахов В. «Скромное обаяние расизма» и другие статьи. – М.: Модест Колеров и «Дом интеллектуальной книги», 2001. – С. 17.

нормативную демократию и построение гражданского общества, приветствуя авторитарную власть. Флуктуирующий характер российской идентичности характеризуется конфликтом моделей ценностных систем: либеральной моделью и коллективистско-патерналистской, традиционалистской системой ценностей, характерной для советской и постсоветской идентичности.

В посткоммунистической России катастрофа в трансляции позитивной идентичности и провал либерального проекта, породившие идентификационную дезориентацию, привели к патологической гражданской абулии и констатации негативной идентичности в ситуации разрушения/возрождения советскости на фоне политической мобилизации антизападных этнополитических идентичностей, в атмосфере эскалации этнических конфликтов, прогрессирующей ксенофобии и политически предопределенного будущего.

В современной России (по характеру оставшейся постсоветской) надэтническая гражданская идентичность продолжает оставаться паллиативной и конфликтной. Гражданская консолидация в ситуации этнорелигиозного трайбализма становится идеалом, конфликтующим с реальностью ксенофобии и этнорасизма. Конфликт разворачивается вокруг системы ценностей, определяющих характер и стиль государственной идеологии. Формирующиеся в этом пространстве этнополитические идентичности, которые непрерывно трансформируют содержание политической культуры, обладают силой обратной связи с властными институтами.

Идеи формирования надэтнической идентичности и гражданской нации и в новом веке остаются наиболее трудными для освоения российским полиэтничным социумом в его становлении в качестве гражданского общества. По словам американского культурного антрополога и этнофилософа Дж. Де-Воса, «многонациональность становится важной проблемой государств, сталкивающихся с этническим взаимопроникновением как результатом роста социальной мобильности (связанной с индивидуальными достижениями) и географической мобильности (благодаря изменениям рынков труда). Мы также являемся свидетелями революции в социальной и культурной историографии. Современные этнические меньшинства очень хотят быть услышанными»³.

Реальным механизмом обеспечения позитивной консолидации современного российского общества являются культурные, социальные,

³ Де-Вос Дж. Этнический плюрализм: конфликт и адаптация / Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология. – М.: Смысл, 2001. – С. 230.

политические, дискурсивные институты гражданского общества, формирующие надэтническую идентичность.

Надэтническая идентичность представляет собой антропосоциетальную структуру гражданского самосознания, констатирующую осознание социокультурного отличия и внутреннего консолидирующего единства социальных ценностей и гражданских норм, государственно-политических символов и стереотипов социального поведения, диалектику гражданских и этнических идентичностей. ***Конструктивный потенциал надэтнической идентичности заключается в диалоге трансиндивидуальной культуры, гражданских ценностей, консолидирующих социум универсальных идей и этничности, благодаря которой происходит квалификация того или иного человека как представителя этнической культуры.*** «Для того чтобы произошло совмещение государственной и этнической идентичности, — утверждает Л.М. Дробижева, — государство должно выстроить систему отношений, основанную на взаимопонимании и доверии. Этнонациональная и российская идентичность совместимы и пересекаются в том случае, если и та и другая выражены в пределах нормы. Не этнический нигилизм и этнокультурная гомогенность, а интеграция на основе взаимодополняющих и совмещающихся ценностей, представляющих общие интересы. При такой модели общества каждый народ, этническая группа становятся заинтересованными в консолидирующем государстве»⁴.

Интеракция гражданских, этнорелигиозных и этнополитических идентичностей предполагает противоречивые и даже диаметрально противоположные последствия для одних и тех же культурно-исторических и социально-политических контекстов. С одной стороны, толерантные идентификационные взаимодействия способствуют развитию гражданского самосознания, возрастанию социальной значимости личности, уровня политических прав и свобод. С другой стороны, конфликтная интеракция идентичностей и, как следствие, их элиминация стимулируют социальную фрагментацию. По словам А.А. Кара-Мурзы, «подлинная культура не противостоит другим культурам. Она всегда противостоит своему собственному варварству. Не было и нет столкновения цивилизаций, но идет постоянная внутренняя борьба каждой цивилизации со своим собственным варварством. К сожалению, в России либеральное пространство еще не сформировалось. В первую очередь потому, что у нас очень плохо с осмысленной культурной и

⁴ Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. — М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. — С. 26.

интеллектуальной самоидентификацией. Недостаток собственного творческого усилия компенсируется принижением, а в пределе — устранением оппонентов»⁵.

Конфликт идентичностей и несоответствие современных социально-политических процессов прежним советским интерпретационным системам и идентификационным типам формирует в самосознании россиян стремление к советскости. Советскость становится сегодня синонимом «справедливой государственности» и «бесконфликтности». По словам А.А. Зиновьева, «присвоение новой системой достижений советского периода и приписывание ему своих дефектов стало настолько привычным, что даже представители старших поколений стали терять историческую ориентацию и способность различать советское и постсоветское»⁶.

В новом веке вектор социально-политических предпочтений российских граждан свидетельствует о семантической реставрации характерных для советской эпохи имперских идентификаций и эклектичном синтезе дискретной российской идентичности и профилированной мифологической советскости как незавершенного политического проекта: в постсоветский период происходит латентная кристаллизация значимых элементов советской идентичности, которые способствуют её актуализации в будущем, сдерживая модернизационное развитие. Политизированная реставрационная ностальгия — идеологический инструмент и социальный поиск в советском прошлом стабильности, которой нет в настоящем; это утопия, обращенная не в будущее, а в прошлое.

Кризис либерализма и гражданская аномия в условиях фрагментации надэтнической идентичности и легитимации радикальной политической этничности в посткоммунистической России являются прямым следствием параноидальной амбивалентности процессов разрушения/реставрации советскости. Авторитарно-бюрократическая власть в кризисном социуме конструирует, доводя до апофеоза, коллективный невроз беспомощности и ущербности, порождающий зловещий замкнутый круг и усугубляющий энтропийный гомеостаз увязшего в ксенофобии полиэтничного общества.

⁵ Кара-Мурза А.А. Идя в Европу, мы возвращаемся домой / Западники и националисты: возможен ли диалог? Материалы дискуссии. — М.: ОГИ, 2003. — С. 375-378.

⁶ Зиновьев А.А. Русская трагедия. Гибель утопии. — М.: Алгоритм, 2002. — С. 15.

Российская идентичность вбирает в себя значительную часть стигматизированного советского наследия: многие российские граждане склонны судить о современности и оценивать тенденции развития страны с позиций советского опыта. Для властной элиты советский период определяет всемирно-историческую значимость достижений страны: в самоидентификации власти практически всё, что составляет предмет «национальной гордости» относится к советской эпохе. Являясь источником ценностного конфликта, стигматизированная российская идентичность указывает на очевидные социокультурные признаки, при наличии которых люди исключаются из числа нормальных, становятся ущербными и асоциальными.

Демократическая Россия должна выработать устойчивое представление о важности гражданского самоопределения, когда посредством гражданской системы социальных взаимодействий и позитивной надэтнической идентичности граждане независимо от этнорасовой и этнорелигиозной принадлежности способны максимально реализовать культурные и психологические возможности, экономические и политические права в глобальном социокультурном пространстве. Надэтническая гражданская идентичность не ориентирует на культурный и социально-политический изоляционизм и отказ от свободной идентификации, но поддерживает идею этнокультурного многообразия и паритета культур.

Иерархия культурно-идентификационных ценностей будущей надэтнической идентичности в современной России не должна являться константной, она ситуативна и может перестраиваться в политическом пространстве в зависимости от актуальной идентичности. В этом аспекте актуальная демократическая идентичность является главным механизмом, структурирующим социально и культурно значимое поведение и нормативные качества; механизмом, тесно связанным с социальными связями и гражданскими отношениями. Надэтническая идентификация связана с институтами гражданского общества, поэтому разрушение или изменение институтов вызывают коллективную утрату идентификации в масштабах всего общества.

Российская идентичность может успешно сформироваться только на позитивной надэтнической основе, в рамках позитивно окрашенной социальной картины мира. Для этого необходим принятый большинством полиэтничного общества и обращённый в будущее национальный идентификационный проект новой России, обеспечивающий становление позитивных автостереотипов россиян. Национальный идентификационный проект имеет цели определить место российской

цивилизации в глобализирующемся мире, способствовать положительной идентификации России, сформировать ориентиры целого поколения. Представляется, что российская надэтническая идентичность в качестве национального идентификационного проекта должна:

1) являться стабильной позитивной идентичностью, констатирующей осознание консолидирующего единства социальных ценностей и моральных норм, государственных символов и социально-культурных стереотипов, диалектику гражданских и этнических отношений;

2) осуществлять конструктивный диалог трансиндивидуальной универсальной культуры, гражданского самосознания, государственных ценностей, с одной стороны, и, с другой — этнокультурных и этноконфессиональных идентичностей, т.е. синтезировать гражданскую идентичность, этнические и религиозные идентичности и политическую связь с государством, базируясь на принципах толерантности и гражданской нации;

3) выступать как интегративная целеполагающая часть программы национального возрождения России посредством обращения к ценностям полиэтничности и гражданского общества, объединяя и мобилизуя людей на грядущее созидание, предлагая реалистический образ полиэтничной России;

4) полагать собственные нормы и цели, наделяя смыслом социальный мир, тем самым формировать устойчивые ценностные представления о конструктивной роли толерантной самоидентификации, самоутверждения, самоорганизации и позитивной общегражданской консолидации, гармонизирующей межэтнические отношения и снижающей этническую конфликтность;

5) преодолеть идентификационный кризис, усилив модернизационные и интеграционные процессы в социуме посредством межэтнического толерантного диалога и общегражданской борьбы с ксенофобией, этнорасизмом, религиозным фундаментализмом;

6) будучи главным механизмом, структурирующим социально и культурно значимое поведение и нормативные качества человека и общности, механизмом, тесно связанным с объективными социальными связями и отношениями, способствовать свободному самоопределению в социуме, активному деятельному участию граждан в решении экономических, социальных и политических проблем современной России, повышая уровень гражданского самосознания;

7) преодолеть социальную аномию, массовую деперсонализацию, дереализацию, конфликтное стигматизированное самосознание как

феномены постсоветского кризисного социально-психологического развития, активизируя позитивные автостереотипы россиян и обосновывая продуктивность плюрализма этнических культур России;

8) реализовать концепцию гражданской нации на принципах правового государства, созданного гражданским обществом для конструктивного диалога различных этнокультур;

9) не ориентироваться на культурный и социально-политический изоляционизм и отказ от свободной идентификации, но поддерживать этнокультурное многообразие России через совместное развитие общегражданской культуры и полиэтничности;

10) выработать национальный идентификационный проект позитивного гражданского надэтнического самоопределения в полиэтничной России, когда через демократическую систему социальных взаимодействий российские граждане независимо от этнической, политической и религиозной принадлежности способны в полной мере реализовать свои культурные и психологические возможности, экономические и политические права в глобальном мировом и российском социокультурном пространстве.

В России XXI века становление позитивной надэтнической идентичности, консолидирующей социум и формирующей гражданскую нацию, ориентированной на утверждение гражданского самосознания и политической свободы в полиэтничном мире, становится единственно возможной оппозицией ксенофобским и макиавеллианским авторитарным тенденциям. «Если идентичность противопоставляет себя социальной жизни, – утверждал А. Турен, – она может быть только маргинализованной или манипулируемой теми, кто её руководит. Зато призыв к идентичности может быть осознан как демократическая работа, как усилие социальных действующих лиц самим определять условия, в которых происходит их коллективная и личная жизнь»⁷.

⁷ Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998. – С. 106.